

© 1995 г. Т.Г. НИКИТИНА

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИОННОЙ СХЕМЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Говоря о развитии отечественной идеографии в последние десятилетия, нельзя не отметить определенные достижения в области разработки общей теории словарей-тезаурусов и создания оригинальных методик построения идеографической классификации [1–5], реализацию авторских концепций в идеографических словарях разных типов [4, с. 276–298], в том числе тематико-идеографических одноязычных и двуязычных [7–10].

С полным правом можно говорить и об оформлении фразеологической идеографии как самостоятельного направления.

В мировой практике есть прецеденты включения в статьи идеографических словарей вместе с лексическими единицами и фразеологизмов, на что иногда указывают сами названия словарей [11–13], но как операционный прием лингвистического (в том числе идеографического описания) обоснованно утвердилось и выделение фразеологии из лексикона по принципу “сверхсловности”, “раздельнооформленности” [14, с. 37], а совсем недавно выдвинут такой веский аргумент в пользу создания автономной идеографической классификации фразеологии, как возможность именно на материале обширных идеографических массивов фразеологии выявить особенности культурно-национального мировидения и миропонимания, специфику их отражения в языке [15, с. 313].

Фразеологическую идеографию называют стыковым участком (идеография – фразеология – фразеография) современного языкознания, а задачу ее определяют как изучение объективной картины семантического пространства фразеологии, отражения во фразеологии связей и отношений внеязыковой действительности, а также разработку теории фразеологического идеографического словаря и ее практическое воплощение [16, с. 68; 17, с. 1].

Несмотря на детальную разработанность русской фразеологии в семасиологическом и ономасиологическом плане (А.М. Бабкин, М.М. Копыленко, Л.И. Ройзензон, В.П. Жуков, В.М. Мокиенко, В.Н. Телия, А.М. Мелерович и др.), ее целостная собственно идеографическая систематизация (в том числе словарная) находится на стадии разработки теоретических основ (А.С. Аксамитов, С. Влахов, В.М. Мокиенко, А.М. Эмирова, Д.О. Добровольский, А.И. Ивченко и др.).

Отсутствие до настоящего времени идеографического словаря русской фразеологии можно было бы объяснять тем, что фразеологические единицы (ФЕ) с их кумулятивной, синкретичной семантикой, на которую накладываются прагматические интенции, сложнее поддаются идеографическому описанию [16, с. 65–66], но мировая практика все же предлагает образцы подобных словарных описаний, осуществленных на немецком [18], польском [19], чешском [20] материале В. Фридерихом, Т. Игликовской и Г. Курковской, Ф.Чермаком. Правда, здесь речь не идет о словарях тезаурусного типа, макроструктура которых отражала бы строго иерархическую многоярусную логико-понятийную классификацию материала во всей его полноте. Семантический

указатель Ф. Чермака приближается к словарям аналогического типа¹, в работе В. Фридриха реализуется чисто тематический принцип группировки ФЕ, а словарь Т. Игликовской и Г. Курковской правильнее было бы назвать тематико-идеографическим².

Что касается фразеологического состава русского языка, то лишь часть его, а именно ФЕ, отображающие эмоции, свойства и качества человека, характеристику явлений и ситуаций, распределенные по 17 тематическим разделам, зафиксированы в "Словаре-справочнике по русской фразеологии" Р.И. Яранцева [22], а также в его русско-чешском варианте, выполненном в форме учебного пособия [23].

Фрагментарные же идеографические или близкие к ним описания ФЕ в монографиях, диссертационных исследованиях, статьях, вероятно, охватывают уже большую часть фразеологического состава и могли бы, наверное, покрыть почти всю идеографическую сетку (если бы таковая для фразеологии была разработана). Так, русские ФЕ, характеризующие человека ("антропокваликативные"), в полном объеме исследованы в "системно-семантическом" аспекте М.С. Горе [24] и на диалектном материале С.А. Бойцовым [25] и Н.В. Богдановской [26]. В работах Ю.П. Солодуба, Г.А. Багаутдиновой, И.В. Кашиной, Э.Н. Покровской, А.И. Кудрявцевой, Т.А. Зуевой систематизированы ФЕ, покрывающие такие важные понятийные зоны сферы "Человек", как "Качественная оценка лица [27], "Психические процессы и свойства личности" [17], "Эмоциональное состояние лица" [28], "Психическое состояние человека" [29], "Процесс речи" [30], "Трудовая деятельность человека" [31]³. Объектом систематизирующих описаний стали также группировки ФЕ, отображающих количество [33–35], временные [36; 37] и пространственные отношения [38]. Д.З. Арсентьевым, Т.В. Бахваловой и Р.Н. Поповым, а также А.И. Федоровым были предприняты попытки описания в тематическом отношении целостных фразеологических систем русских народных говоров – орловских [39, 40] и сибирской фразеологии [41].

Итак, фразеология вплотную подошла к созданию идеографического словаря на своем материале. Хорошо представимы, как отмечает С. Влахов [42, с. 22], этапы работы по его составлению: это определение микро- и макроструктуры и полнейший семантический анализ всех ФЕ, параллельное формирование идеографической схемы, разбивка ФЕ по семантико-тематическим группам, т.е. непосредственно идеографическая классификация, лексикографическое оформление результатов. Однако на каждом этапе составитель сталкивается с большим количеством нерешенных проблем и не меньшим количеством различных, порой взаимоисключающих путей, методик их решения.

В данной статье мы остановимся на особенностях формирования идеографической схемы, которая, как принято считать, отражает "картину мира", свойственную определенной языковой общности [43], или ее часть, "статический компонент" [4, с. 259].

Под картиной мира вслед за исследователями роли человеческого фактора в языке мы будем понимать целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, всех его контактов с миром – бытовых, предметно-практической деятельности, созерцания, умопостижения мира [44, с. 19], т.е. формируется в процессе синтеза результатов познавательных и оценочных процессов [45, с. 171]. Для обозначения этого глобального образа мира, существующего в сознании человека, этой "информационной базы", "информационного тезауруса" человека [46, с. 44] нам кажется вполне уместным использование термина концептуальная или понятийная картина мира, так как складывается она из кон-

¹ В данной статье используется типология идеографических словарей, предложенная В.В. Морковкиным [1, с. 27].

² Принципы построения и особенности макроструктуры этих словарей анализирует В.М. Мокиенко [21, с. 111].

³ ФЕ, характеризующие интеллектуальные способности человека, исследованы в рамках соответствующего лексико-фразеологического поля орловских говоров Т.В. Бахваловой [32].

цептов понятий⁴, вычленяемых сознанием в структуре действительности и в свою очередь состоящих из различных элементов в их взаимосвязи. Такая трактовка концептуальной картины мира (ККМ) шире чисто логической [4, с. 272–274; 44, с. 176], когда ККМ признается инвариантной, независимой от конкретного языка, и лишь языку отводится в этом случае роль национального модификатора, окрашивающего “через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национальные цвета” [44, с. 176]. Мы же понимаем под ККМ не только систему основных логических категорий, которые, действительно, универсальны. На “нижних этажах” ККМ непременно найдут отражение национальные особенности мироощущения, мировосприятия, миропонимания. А значит, языковая картина мира (ЯКМ) будет не национальным воплощением инвариантной ККМ, а экспликацией национально-специфической ККМ в ее окончательном национально-специфическом оформлении средствами языка.

Говоря о ЯКМ как об упорядоченной совокупности языковых средств экспликации ККМ, отметим многочисленные справедливые утверждения о том, что в действительности ККМ богаче, объемнее языковой в силу большей “подвижности”, “текучести” мышления, наличия невербальных типов мышления, которые участвуют в формировании ККМ и т.п. [44, с. 6, 104; 46, с. 44; 47, с. 10; 48, с. 69–83]. Более того, существует мнение, что “на основе единиц языка можно восстановить в лучшем случае лишь приблизительные, размытые контуры элементов мира вне деталей и связей” и лишь на основе продуктов речи, являющейся коррелятом мышления, можно получить голографическое отражение действительности, реконструировать ККМ достаточно полно, точно, детально, взаимосвязанно [49, с. 57–60]⁵.

Что же касается упорядоченности элементов ЯКМ, т.е. ее структуры, то она отражает не только структуру ККМ, но и закономерности системы языка. Более того, ЯКМ организована по законам языка, тогда как ККМ – по законам физического мира [44, с. 138]. И если крупные рубрики идеографических словарей соответствуют естественному членению физического мира, то ККМ не должна здесь подменять языковую, сглаживать ее специфику. Поэтому теоретики и практики идеографии указывают на необходимость использования двух взаимообусловленных и взаимодополняющих путей при идеографической систематизации языкового материала – дедуктивного – от понятийной схемы, отражающей ККМ, к группировке средств выражения того или иного понятия и индуктивного – от языкового материала, объединяемого в поля по смысловой близости, в поля, восходящие к рубрикам – именам понятийных классов и подклассов [2, с. 18; 51, с. 17; 52, с. 10].

В настоящее время все еще нельзя говорить об окончательном оформлении методики “индуктивного восхождения”, на что еще 10 лет назад указывал П.Н. Денисов [53, с. 122]. Он отмечал “эмпирически нащупанную” Ю.Н. Карауловым методику отыскивания смысловых связей между словами путем анализа словарных дефиниций, которая за эти годы совершенствовалась и использовалась на практике [54]. К числу специфических особенностей ЯКМ, которые необходимо учитывать, идя при идеографической систематизации от языкового материала, относится взаимодействие в реальном функционировании языка трех видов полей – понятийных, семантических и ассоциативных, как и лежащие в основе структурной организации ЯКМ парадигматические, синтагматические и эпидигматические отношения языковых единиц [44, с. 136–139]. Имеются попытки привнесения в идеографическую классификацию и коммуникативно-функциональных характеристик материала [55]. Словарное воплощение идеографической классификации с коммуникативно-функциональным фоном может

⁴ Здесь, как и во многих лингвистических работах, термины “концепт” и “понятие” отождествляются, так как речь идет прежде всего о содержании понятия.

⁵ Реконструкция голографической ККМ на материале текстов какой-либо культурной традиции (см., например, 50) и идеографическая систематизация языкового материала, эксплицирующего ККМ, изучение “плоскостного” языкового картирования мира – не взаимоисключающие, а взаимодополняющие способы исследования соотношения и взаимовлияния языка – мышления – мира.

приблизить словарь языковой таксономии – идеографический к словарю активного типа, ономазиологическому в полном смысле слова [53, с. 129].

Что же касается второй составляющей формирования идеографической схемы – дедуктивного пути от понятийного членения действительности, т.е. от ККМ, то здесь необходимо учитывать существование ККМ в двух разновидностях – научной и обыденной, житейской, где концепт представляет собой “актуальную интерпретацию понятия” в народном сознании, когда в концепт входит лишь часть понятия – выработанная общественной практикой совокупность свойств предмета, существенных для определенной области человеческого опыта [56, с. 72].

Сам термин “картина” мира, как отмечает Л.А. Микешина [57, с. 64], антропоморфен, так как фиксирует прежде всего потребность человека в наглядности представлений о мире. Картина мира – не зеркальное отражение мира, а некоторая его интерпретация. Она одновременно космологична (представляет собой глобальный образ мира) и антропоморфна (несет в себе черты своего создателя, отражает специфику человеческого способа миропостижения). Тем не менее, в научной картине мира, хотя и не лишенной антропоморфизма, но базирующейся на общенаучных понятиях и принципах, данных частных наук и философских категориях, понятию “Человек” далеко не всегда отводится центральное место. Как показал произведенный Ю.Н. Карауловым [4, с. 34–55, 242–259] анализ классификационных схем идеографических словарей, созданных в XIX–XX веках западноевропейскими авторами, которые ориентировались на научное мировоззрение и идеологические установки, наиболее антропоцентричной является схема словаря Р. Халлига и В. фон Вартбурга [43], где основными составляющими “Универсума” являются рубрики “Вселенная”, “Человек”, “Человек и вселенная”.

В полной мере антропоцентричность мышления и языка могла бы отразиться в идеографической схеме, отражающей иерархическую систему понятий обыденной, “наивной” картины мира. Ее связывают с уровнем обыденного сознания, под которым понимается житейский здравый смысл, определенный конформизм и прагматическое мироощущение. Это сознание управляет повседневными занятиями людей, их поведением в быту, в труде, на отдыхе, в общении с другими людьми, с социумом [53, с. 121; 58, с. 23]. Концепт “Человек” является ключевым в обыденной картине мира. Идеографическая схема, построенная на ее основе, зафиксировала бы исключительно антропоцентрическое концептуальное структурирование действительности, выделение приоритетов с точки зрения житейского опыта. В качестве рабочего термина будем использовать определение “антропоцентрические” для схем такого типа, условно обозначив его как тип А.

Основная же масса западноевропейских идеографических словарей [4, с. 242–259] и схемы, предлагаемые отечественными авторами, воссоздают в определенной мере безличностную, космологизированную картину мира, где в основу структурирования действительности положено научное мировоззрение. Это схемы типа Б – “неантропоцентрические”, “безличностные”. В качестве иллюстраций приведем основные рубрики некоторых из них, базирующихся на естественнонаучных понятиях и/или логических категориях.

В схеме Э.М. Солодухо [59, с. 6] двум крупным блокам “Поле” (гравитационное, ядерное и т.п.) и “Вещество/антивещество” (микротела, макротела, мегатела и пр.) подчинены блоки “Биологические системы” (белковые тела, ... клетки, ... растения, животные) и “Социальные системы и элементы” (социосфера, техносфера, ноосфера).

Коллектив авторов комплексного учебного словаря “Лексическая основа русского языка” [11] и разработчики автоматизированного русского тезауруса на базе семантического анализа метаязыка толкового словаря [60] на первый план своих классификаций выдвигают “Абстрактные отношения и формы существования материи” (время, пространство, движение, свойства, отношения, порядок и др.). Остальные рубрики (“Неорганический мир”, “Органический мир” и “Человек”) в первой из этих схем объединяет крупный блок “Материальный мир”. Во втором случае материальный

мир членится на микромир (физический и биологический, куда входит и сфера “Человек”) и макромир (макромир и солнечная система).

Классификационная схема В.В. Морковкина [2, с. 20–21] представляет собой “эскиз понятийной картины мира”, построенный в виде цепочки бинарных оппозиций, отражающих базисные отношения между основными понятийными классами (Вселенная: абстрактные отношения и материальный мир – неорганический и органический, в котором выделяются классы растений и живых существ, последний составляют живые существа, лишённые разума, и, наконец, человек).

В идеографическом словаре О.С. Баранова [61], построенном по типу словаря П.М. Роже [12], названия всех 16 разделов передают абстрактные понятия, отражающие всеобщие связи и взаимообусловленность явлений, категории философии, логики, информатики: например: “Сущности и связи”, “Состав”, “Система”, “Существование”, “Время”, “Организованные системы”, “Информация” и др.

Для лексики, полностью покрывающей понятийное пространство, дедуктивный подход – от понятийной схемы готовой или создаваемой заново – как одна из составляющих идеографической систематизации вполне оправдан. Приемлен ли он для фразеологии⁶, известной своей избирательностью [55, с. 52; 22, с. 110; 62, с. 8]? На этот счет существуют прямо противоположные мнения. Описание “сверху вниз”, как отмечают Д.О. Добровольский и А.Н. Баранов, вряд ли приемлемо в области идиоматики, поскольку априори трудно предсказать, какие понятийные поля окажутся для нее актуальными. Следовательно, применительно к идиоматике целесообразно использовать методы описания, связанные с исследовательской эвристикой “снизу-вверх” [63, с. 12–13].

По мнению Э.М. Солодухо, во фразеологической идеографии можно использовать и дедуктивный подход, исходя при этом из “существующих классификационных схем форм и уровней неживой и живой природы, общественного сознания, в основе которых лежат современные представления о структуре объективной реальности” [65, с. 23]. А.М. Эмирова [66, с. 25] пишет о возможности заимствования фразеологами систематики и номенклатуры семантических полей конкретной готовой, наиболее совершенной, на ее взгляд, идеографической схемы, составленной авторами коллективной монографии “Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ” [60].

Таким образом, фразеолог, приступающий к идеографическому описанию своего материала, имеет возможность выбора стратегии в зависимости от конечной цели исследования – выявить роль и место фразеологии в языковом отображении действительности или же представить “фразеологическую картину мира” (ФКМ).

Первая из них может быть достигнута путем наложения фразеологии на наиболее совершенные классификационные схемы, разработанные для лексической системы и на базе лексической системы. Такое наложение даст, с одной стороны, определенное количество “пустых клеток” – фразеологических лакун (в силу такого категориального свойства ФЕ, как экспрессивность, и даже преобладания у многих ФЕ экспрессивной функции над номинативно-информативной почти не заполненными фразеологией останутся такие идеографические темы, как, например, “Космос”, “Материя”, “Неорганические субстанции” и т.п. [22, с. 110]), с другой стороны – “очагов фразеологичности” – участков наиболее плотно покрытых фразеологией, способной отображать более детальное членение отдельных фрагментов действительности, чем лексика. Это прежде всего понятийные зоны сферы “Человек”, связанные с физическими качествами, психическими проявлениями личности, отношениями между людьми, допускающими, предполагающими оценку, какое-либо эмоциональное отношение, причем ФЕ тяготеют к отрицательному полюсу оценочности и негативному спектру чувств-отношений [16, с. 310; 22, с. 110]. И соответствующие нижние “этажи” универсальных классификационных схем при наполнении фразеологией будут расширяться,

⁶ Под фразеологизмом мы понимаем относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением [64, с. 18].

углубляться, образуя новые ступени. Словарное воплощение идеографической классификации фразеологии по универсальной схеме, т.е. практически на фоне лексики, было бы чрезвычайно громоздким, но оправданным с точки зрения выявления специфики лексических и фразеологических единиц как средств экспликации картины мира, языкового картирования мира.

Возможно и компактное идеографическое представление фразеологии, предполагающее редукцию универсальной классификационной схемы с одновременным расширением и усложнением отдельных ее фрагментов в зависимости от материала. В этом случае можно говорить о сочетании дедуктивного и индуктивного подходов в процедуре систематизации.

Несовершенство существующих классификационных схем как исходного пункта дедуктивного пути заставляет исследователей предпринимать все новые и новые попытки выработки оптимального варианта идеографической схемы путем корректировки и синтеза имеющихся разработок в этой области. На наш взгляд, верхние “этажи” системы идеографических полей, к которым будет идти индуктивное восхождение от материала, могли бы выглядеть следующим образом:

I. Неорганический мир: I.A. Земля. I.B. Водные ресурсы. I.B. Атмосфера. I.G. Космос.

II. Органический мир: II.A. растительный мир. II.B. Живые существа. II.B.a. Животный мир. II.B.b. Человек.

III. Абстрактные сущности: III.A. Бытие. III.B. Качество. III.B. Соотношение, взаимосвязь. III.G. Количество. III.D. Пространство. III.E. Время. III.J. Причина. III.Z. Цель.

Приведем и более подробную рубрикацию раздела “Человек” – до 6-го уровня, хотя она допускает проработку местами до 12–13 уровней [к такому выводу мы пришли, систематизируя фразеологический материал псковских говоров – общелитературные и диалектные ФЕ (более 5 тыс. единиц), отобранные из картотеки “Псковского областного словаря”].

II.B.6. ЧЕЛОВЕК.

II.B.6.1. Физические характеристики.

II.B.6.1.1. Анатомия и физиология.

II.B.6.1.1.1. Строение тела. II.B.6.1.1.2. Развитие и функционирование организма. II.B.6.1.1.3. Физические ощущения и физиологические состояния.

II.B.6.1.2. Человек в пространстве.

II.B.6.1.2.1. Статическое положение, поза. II.B.6.1.2.2. Передвижения.

II.B.6.1.3. Физические действия.

II.B.6.2. Психика.

II.B.6.2.1. Эмоционально-психические проявления человека.

II.B.6.2.1.1. Психическое состояние. II.B.6.2.1.2. Эмоциональное состояние. к кому-л., чему-л.

II.B.6.2.2. Душевный склад, характер человека.

II.B.6.2.2.1. Психические свойства. Нравственность. II.B.6.2.2.2. Поведение.

II.B.6.2.3. Разум.

II.B.6.2.3.1. Мыслительный потенциал человека. II.B.6.2.3.2. Внимание.

II.B.6.2.3.3. Память. II.B.6.2.3.4. Мышление. II.B.6.2.3.5. Знание.

II.B.6.2.4. Воля.

II.B.6.2.4.1. Хотение, желание. II.B.6.2.4.2. Волеизъявление.

II.B.6.3. Социальная сфера жизнедеятельности.

II.B.6.3.1. Трудовая и творческая деятельность.

II.B.6.3.1.1. Труд. II.B.6.3.1.1.2. Народное творчество, досуг.

II.B.6.3.2. Бытовая сфера.

II.B.6.3.3. Социальное положение.

II.B.6.3.3.1. Материальное положение. II.B.6.3.3.2. Социальный статус.

II.B.6.3.3.3. Жизненный опыт.

II.B.6.3.4. Межличностные контакты.

II.Б.6.3.4.1. Отношения между людьми. II.Б.6.3.4.2. Взаимодействие людей в социальной сфере.

II.Б.6.3.5. Общественное устройство.

II.Б.6.3.5.1. Социальные институты. II.Б.6.3.5.2. Система хозяйства

II.Б.6.3.5.3. Территориальное деление государства.

Можно ли обозначить компактное идеографическое представление фразеологии без эксплицитного лексического фона не совсем устоявшимся в плане содержания, но вполне официальным термином “фразеологическая картина мира”?

С середины 80-х годов авторы работ по самому широкому кругу проблем фразеологии активно оперируют этим понятием. Н.Н. Кириллова утверждает, что «фразеологию можно рассматривать как один из способов “языкового мировидения” (термин В. Гумбольдта), что дает основания говорить о существовании в каждом языке ФКМ как специфического фрагмента ЯКМ» [68, с. 57–58]. Д.О. Добровольский пишет о наличии в идиоматике любого языка двух картин мира, как бы наложенных друг на друга: ФКМ-1 на уровне прототипов ФЕ и ФКМ-2 на уровне поверхностной денотации [15, с. 96–97]. В связи с идеографической классификацией фразеологии нас будет интересовать последняя. Именно о ней А.М. Эмирова говорит как о предмете изучения фразеологической идеографии [17, с. 68].

Результат идеографической систематизации фразеологии по схеме типа Б в той же мере может отождествляться с ФКМ, в какой безличностная, космологизированная идеографическая классификация лексики – “универсальная таксономия семантики” [69, с. 26] может отождествляться с ЯКМ. Если фразеология покрывает “субъективно значимые” фрагменты действительности, то ее компактное идеографическое представление логичнее было бы строить по схеме, отражающей членение не “объективной реальности”, а “субъективного” образа мира, сложившегося в обыденном, крайне антропоцентричном сознании, т.е. по схеме типа А, которая, как уже отмечалось, для русского языка пока не разработана.

О структуре такой схемы можно говорить пока лишь в плане постановки вопроса и экспериментальных разработок, одной из которых является предлагаемая ниже версия, разработанная на псковском материале. Ее фрагмент – понятийная зона “Время” будет представлен в сравнении с аналогичным участком уже рассмотренной неантропоцентрической классификационной схемы, при разработке которой использовался опыт идеографического описания лексико-семантического класса обозначений времени В.В. Морковкина [2, с. 86–90], семантические, структурно-семантические и семантико-грамматические классификации “временных” фразеологизмов [36; 37; 70–73], классификации способов выражения временных отношений в функциональной грамматике [74; 75, с. 210–295; 76, с. 225–246].

Итак, раздел **III.Е. Время** неантропоцентрической классификации во всей глубине детализации нам представляется таким:

III.Е.1. Периоды, отрезки времени: 1) ‘ранняя осень’: *бабье лето, бабья межень*
2) ‘сумерки’: *чернецы по углам забежали, поп на сивой кобыле ездит*.

III.Е.2. Временная характеристика действия.

III.Е.2.1. Локализованность действия во времени.

III.Е.2.1.1. Прямое время: 1) ‘рано устроим’: *с петуном (с петунами), ни свет ни заря, черт в ладоши не хлопал*; 2) ‘поздно вечером’: *на ночь глядя*; 3) ‘в сумерках’: *по серому часу, солнце за лес, ворона на кусту кемарит*; 4) ‘в течение светового дня’: *от зари до зари, от росы до росы*; 5) ‘в течение года’: *с хлеба до хлеба*.

III.Е.2.1.2. Относительное время.

III.Е.2.1.2.1. Предшествование.

III.Е.2.1.2.1.1. Предшествование относительно момента речи: ‘очень давно’: *в прадедах, в стариках, при царе Косаре (Горохе)*.

III.Е.2.1.2.1.2. Предшествование относительно конечной точки действия: 1) ‘до утра,

до рассвета': *до петуха, до первых петухов*; 2) 'до конца жизни, навсегда': *по гроб жизни, до гроба, до гробовой доски, до могилы*; 3) 'до определенного момента': *до поры до времени*.

Ш.Е.2.1.2.2. Следование.

Ш.Е.2.1.2.2.1. Следование относительно момента речи: 1) 'скоро, в недалеком будущем': *не за горами, не за городами*.

Ш.Е.2.1.2.2.2. Следование относительно начальной точки действия: 1) 'с давних пор, издавна': *с-под Адама, из веки веков, с навеку веку, с тех пор как свет стоит, с Ноева потоп, с роду родинского (родского), от роду родящего, со стариков*; 2) 'с раннего утра': *с петуна (с петухов)*.

Ш.Е.2.2. Нелокализованность действия во времени: 1) 'всегда': *веки векам (по векам), адамовы веки*; 2) 'редко, иногда': *в годы да в ряды (в годы-ряды), раз в год по завету, изредка в редкость*; 3) 'никогда': *ни в кои веки, в годы в ляды, после дождичка в четверг, при царе Косаре (Горохе)*.

Ш.Е.2.3. Количественно-временная характеристика действия.

Ш.Е.2.3.1. Большая продолжительность: 1) 'долго, в течение долгого времени': *конца краю не видно, умрем не уживемся*; 2) 'надолго': *до морковкиных заговен*.

Ш.Е.2.3.2. Небольшая продолжительность: 1) 'недолго': *без году неделя*; 2) 'ненадолго': *на волосок (заснуть), на одну упряжечку*.

В структуре этого фрагмента классификации в первую очередь отражаются свойства времени как философской категории – последовательность, длительность, необратимость и изучаемые функциональной грамматикой семантические категории, которые, как отмечают авторы коллективной монографии "Теория функциональной грамматики" [75], в конечном счете отражают объективную реальность: в частности, в значении нелокализованности находят отражение периодические процессы в человеческой деятельности, в окружающей среде, объективное существование повторяемости процессов и явлений. Значение локализованности отражает одномерность, асимметричность и необратимость времени [75, с. 210–211].

В антропоцентрической же классификации прежде всего отразится не универсальная философская или функционально-семантическая категория времени, а "время человеческого бытия", феномен "времени жизни" как одна из определяющих категорий обыденного сознания.

Процесс постижения временной реальности человеком и особенности ее отображения в языке анализировались на материале разных эпох и языков (см., например, [50, 77, 78, 79]), в том числе на материале русской фразеологии. Ее историко-этимологическая интерпретация, предпринятая В.М. Мокиенко [80, с. 6–60], раскрывает особенности бытового восприятия времени, позволяет увидеть следы его мифологического осмысления человеком в образах идиом. Обращаясь к записям диалектной речи, отражающим народные представления о времени, способы измерения времени, отношение к времени и т.п., В.М. Мокиенко обнаруживает экспликацию культурно-национального фона многих русских временных ФЕ: По месяцу, по петунам да по солнцу раньше время узнавали. Пск., ср.: *(вставить) с первыми петухами, (просидеть) до петухов* и т.д. [80, с. 21–23].

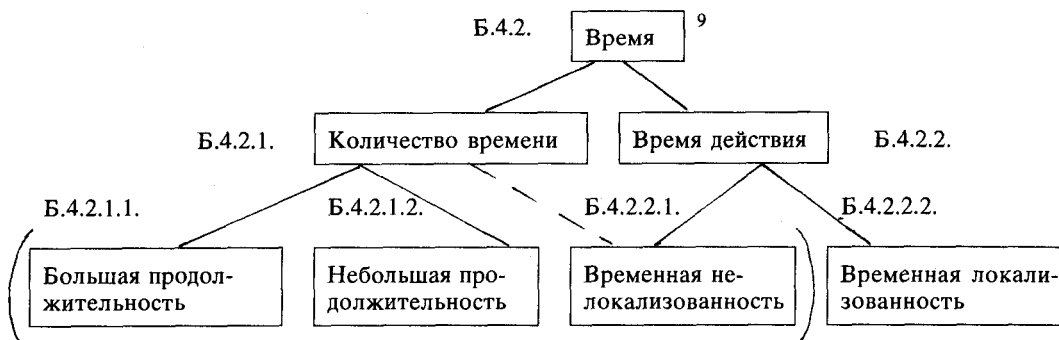
Продолжая работу в этом направлении, по диалектным контекстам из картотеки "Псковского областного словаря" мы установили, что одной из наиболее частотных временных характеристик действия является количественно-временная характеристика (*долго, надолго – недолго, ненадолго*). Временная нелокализованность действия тоже выступает для носителей говора как количественно-временной параметр [*всегда – долго, иногда – мало, немного (о количестве времени)*]. Временная локализованность в диалектных контекстах – это прежде всего локализованность в пределах суток или года. А относительность времени связана в народном сознании не с отношениями следования за чем-либо или предшествования чему-то, а с планом

прошлого или будущего (такие ФЕ нередко поясняются, дублируются в контекстах наречиями *давно, скоро*).

Данные небольшого ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов Псковского пединститута (50 чел.) и жителей Псковского, Островского, Гдовского районов Псковской области (20 чел.)⁷, подтверждают устойчивость ассоциативных связей времени и продолжительности (*долго, тянуться* – наиболее частотные реакции на словостимул *время*), времени и отрезков времени в рамках суток, года (*утро, рано, осень*), времени, прошлого и будущего (*давно, скоро*)⁸.

Это общечеловеческие ассоциативные связи (ср., например, количественные данные об ассоциациях на слово *время* у носителей литовского языка, приводимые С. Степонавичене [81, с. 50–51]: *время* → *короткий* – 103, *долгий* – 80, *скоро* – 76, *час* – 23, *вскоре* – 16, *минута* – 11, *годы* – 9, *поздно* – 6, *век, секунда* – 4, *ночь* – 3 и т.д.), которые отразятся на уровне рубрик антропоцентрической идеографической классификации, тогда как национально-специфические ассоциации (например, русск. *время* → *ни свет ни заря*, литов. *время* → *быстроногое*) – на уровне семантических рядов, структурно-семантических моделей.

С учетом перечисленных выше факторов и источников информации о восприятии и интерпретации времени в бытовом народном сознании, данный фрагмент идеографической схемы, построенной по типу А (т.е. антропоцентрической) мог бы выглядеть следующим образом:

В соответствии с приоритетами, выделенными обыденно-эмпирическим сознанием, будут заполнены «низовые» рубрики:

Б.4.2.1.1. Большая продолжительность: Сюда войдут ФЕ со значением:

1) 'долго, в течение долгого времени'; 2) 'всегда'; 3) 'надолго'; 4) 'навсегда'; 5) 'до конца жизни'.

Б.4.2.1.2. Небольшая продолжительность: 1) 'недолго'; 2) 'ненадолго'; 3) 'иногда'.

Б.4.2.2.1. Временная не-локализованность: 1) 'всегда' (см. Б.4.2.1.1)¹⁰; 2) 'иногда'

(см. Б.4.2.1.2) 'никогда'.

Б.4.2.2.2. Временная локализованность.

Б.4.2.2.2.1. Локализованность в плане прошлого/будущего.

Б.4.2.2.2.1.1. Прошлое: 1) 'давно'; 2) 'с давних пор, издавна'.

Б.4.2.2.2.1.2. Будущее: 1) 'скоро, в недалеком будущем'.

Б.4.2.2.2.2. Локализованность в рамках периода времени.

⁷ Эксперимент упоминается здесь лишь в качестве примера одной из возможностей выявления особенностей бытового восприятия времени, когда отдельным носителям диалекта предлагается в устной форме как бы своего рода «игра в слова», начинающаяся с «вопроса-стимула»: «Что Вам вспоминается, что приходит в голову, когда Вы слышите слово: *белый* – снег, хлеб, *черный*; *время* – ...?»

⁸ Эти выводы подтверждают и данные «Словаря ассоциативных норм» русского языка» [82, с. 77].

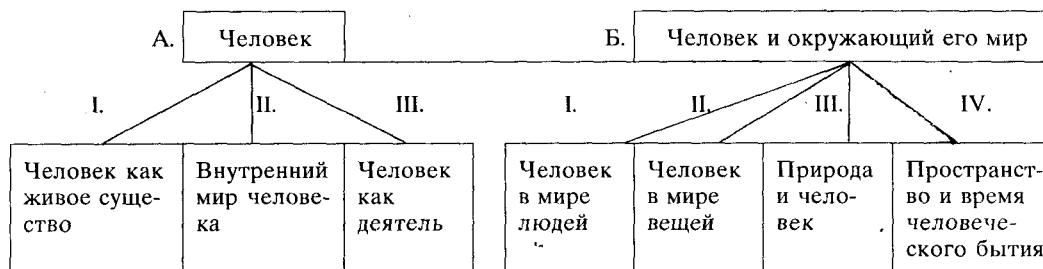
⁹ Здесь приводится индексация в соответствии общей схемой, которая приводится ниже.

¹⁰ Такие отсылки даются при заполнении схемы материалом.

Б.4.2.2.2.1. Время в рамках суток: 1) 'рано утром'; 2) 'поздно вечером'; 3) 'в сумерках'; 'сумерки'; 4) 'в течение светового дня'; 5) 'до утра, до рассвета'; 6) с раннего утра'.

Б.4.2.2.2.2. Время в рамках года: 1) 'в течение года'; 2) 'ранняя осень'.

В целом же классификационную схему идеографического словаря фразеологии псковских говоров, построенную по типу А индуктивным путем с учетом особенностей структурирования действительности народным сознанием, выявленных по образцам диалектной речи и данным ассоциативных экспериментов, можно было бы представить так:

А. Человек

А.1. Человек как живое существо.

А.1.1. Жизненный цикл. А.1.1.1. Рождение. А.1.1.2. Молодость, взросление. А.1.1.3. Зрелость. А.1.1.4. Старость. А.1.1.5. Смерть.

А.1.2. Строение тела. А.1.2.1. Фигура. А.1.2.2. Части тела.

А.1.3. Самочувствие. А.1.3.1. Здоровье, сила. А.1.3.2. Слабость, болезненность. А.1.3.3. Болезнь. А.1.3.4. Усталость.

А.1.4. Процессы жизнедеятельности, естественные потребности человека. А.1.4.1. Еда, пища. А.1.4.2. Сон. А.1.4.3. Половая жизнь. А.1.4.4. Дефекация.

А.1.5. Способность передвигаться. А.1.5.1. Ходьба. А.1.5.2. Бег.

А.1.6. Восприятие окружающего мира. А.1.6.1. Зрение. А.1.6.2. Слух. А.1.6.3. Температурные ощущения.

А.1.7. Голос, речь. А.1.7.1. Говорение. А.1.7.2. Крик. А.1.7.3. Молчание.

А.П. Внутренний мир Человека.

А.П.1. Характер человека и его проявления. А.П.1.1. Склад характер. А.П.1.2. Нравственные качества. А.П.1.3. Особенности поведения.

А.П.2. Эмоции, чувства. А.П.2.1. Психическое состояние. А.П.2.2. Положительные эмоции. А.П.2.3. Отрицательные эмоции. А.П.2.4. Чувства-отношения.

А.П.3. Разум. А.П.3.1. Умственные способности. А.П.3.2. Память. А.П.3.3. Знания.

А.П.4. Воля. А.П.4.1. Желание. А.П.4.2. Требование.

А.П.5. Магические способности человека.

А.Ш. Человек как деятель.

А.Ш.1. Человек в труде. А.Ш.1.1. Трудовые процессы. А.Ш.1.2. Профессионализм, качество работы. А.Ш.1.3. Количество работы. А.Ш.1.4. Организация труда.

А.Ш.2. Досуг, народное творчество. А.Ш.2.1. Отдых. А.Ш.2.2. Народная музыка. А.Ш.2.3. Устное народное творчество.

А.Ш.3. Бездействие. А.Ш.3.1. Безделье. А.Ш.3.2. Тунеядство.

Б. Человек и окружающий его мир.

Б.1. Человек в мире людей.

Б.1.1. Человек в обществе, коллективе. Б.1.1.1. Отношения между людьми. Б.1.1.2. Взаимодействие людей в коллективе. Б.1.1.3. Нормы морали, поведения и их нарушение. Б.1.1.4. Социальный статус.

Б.1.2. Человек в семье. Б.1.2.1. Родители и дети. Б.1.2.2. Супруги. Б.1.2.3. Дальние родственники. Б.1.2.4. Свадьба. Б.1.2.5. Отсутствие семьи.

Б.1.3. Человек и государство. Б.1.3.1. Социальное обеспечение. Б.1.3.2. Служба в армии.

Б.II. Человек в мире вещей.

Б.II.1. Вещи вокруг человека. Б.II.1.1. Одежда, обувь. Б.II.1.2. Предметы обихода. Б.II.1.3. Транспортные средства.

Б.II.2. Качества вещей. Б.II.2.1. Размер. Б.II.2.2. Форма. Б.II.2.3. Цвет. Б.II.2.4. Вкус. Б.II.2.5. Запах. Б.II.2.6. Оценка качеств вещей.

Б.II.3. Количество вещей, предметов. Б.II.3.1. Большое количество. Б.II.3.2. Малое количество. Б.II.3.3. Точное количество.

Б.II.4. Вещь как собственность. Б.II.4.1. Наличие вещи. Б.II.4.2. Обладание вещью. Б.II.4.3. Обмен, передача вещи. Б.II.4.4. Покупка, продажа.

Б.II.5. Воздействие на предмет.

Б.III. Природа и человек.

Б.III.1. Неживая природа. Б.III.1.1. Земля. Б.III.1.2. Вода. Б.III.1.3. Небо. Б.III.1.4. Погода.

Б.III.2. Растения. Б.III.2.1. Деревья. Б.III.2.2. Травы. Б.III.2.3. Цветы. Б.III.2.4. Грибы.

Б.III.3. Животные. Б.III.3.1. Насекомые. Б.III.3.2. Птицы. Б.III.3.3. Рыбы. Б.III.3.4. Домашние животные.

Б.IV. Пространство и время человеческого бытия.

Б.IV.1. Пространство.

Б.IV.1.1. Место обитания человека. Б.IV.1.1.1. “Малый мир” (дом, двор). Б.IV.1.1.2. “Большой мир” (деревня, город, страна).

Б.IV.1.2. Расстояние. Б.IV.1.2.1. Небольшое расстояние. Б.IV.1.2.2. Большое расстояние. Б.IV.1.2.3. Неопределенное расстояние.

Б.IV.2. Время.

Б.IV.2.1. Количество времени. Б.IV.2.1.1. Большая продолжительность. Б.IV.2.1.2. Небольшая продолжительность.

Б.IV.2.2. Время действия. Б.IV.2.2.1. Временная нелокализованность. Б.IV.2.2.2. Временная локализованность.

При наполнении схемы в полной мере раскроется ее антропоцентричность, присутствие человека станет ощутимым на любом ее участке. Так, например, в рубрику “Температура воздуха” раздела Б.III.1.4. “Погода”, входящего в блок “Природа и человек”, будут включены ФЕ со значениями ‘холод’, ‘жара, зной’, а также ‘замерзнуть’, ‘греться на солнце’, ‘загорать’, ‘тепловой удар’, отражающие взаимодействие человека и природы. В раздел Б.III.2. “Растения” наряду с названиями деревьев, трав, грибов¹¹ войдут ФЕ, обозначающие процессы сбора грибов и ягод, покос травы и т.п.

Во многих случаях распределение ФЕ по рубрикам классификации будет затруднено как усложненностью фразеологической семантики, так и противоречивостью отношений между “формой и содержанием” любого идеографического построения: чем более оно детализировано, к чему в принципе должен стремиться составитель, тем более оно искусственно, удалено от действительности во всех ее взаимосвязях и взаимопроникновениях. И пока идеографами не построена голографическая компьютерная классификация фразеологии, где одна и та же идиома сможет попадать в разные таксоны, а таксоны будут представлены в виде многомерного дерева, что допускает наличие в одной точке более одного параметра [63, с. 12], это противоречие можно в какой-то мере сгладить уже упоминавшимися отсылками при наполнении схемы, двойной индексацией рубрик, которые одновременно могут входить в два и более разделов. Так, например, ФЕ рубрики “Речь характеризуют “человека как

¹¹ В словарь народной фразеологии могут быть включены не только “идиомы в квалифицирующей функции” или “в функции модальных операторов” (термины Д.О. Добровольского [14]), но и являющиеся идентифицирующими номинациями народные образные термины и номенклатурные сочетания, находящиеся в пограничной зоне идиоматики и нефразеологических составных наименований.

Таблица 1

А.Ш.1.2. Профессионализм, качество работы

Низовые рубрики	Значения ФЕ, отражающих	
	положительную оценку	отрицательную оценку
А.Ш.1.2.1. Профессиональный уровень, навыки, умения	‘умелый, проворный’; ‘опытный’; ‘предприимчивый’	‘неумелый, нерасторопный’; ‘не способный справиться с чем-л.’
А.Ш.1.2.2. Отношение к труду	‘трудолюбивый’; работать добросовестно, с усердием	‘лентяй’; ‘работать недобросовестно’
А.Ш.1.2.3. Скорость работы	‘работать быстро’	‘работать медленно’; ‘работать урывками’
А.Ш.1.2.4. Качество труда и результат работы	‘идеально, качественно (сделать что-л.)’	‘некачественно, небрежно (сделать что-л.)’; ‘сделанный некачественно, небрежно’; ‘работать неслаженно’

Таблица 2

Б.1.1.4. Социальный статус

Низовые рубрики	Значения ФЕ, отражающих	
	положительную оценку	отрицательную оценку
Б.1.1.4.1. Материальное положение	‘богатый’; ‘жить в богатстве, благополучии’; ‘разбогатеть’; ‘бережливый’	‘бедняк’; ‘жить в бедности, нищете’; ‘бедствовать’; ‘разориться’
Б.1.1.4.2. Независимость, самостоятельность	‘самостоятельный’; ‘стать самостоятельным’	‘несамостоятельный’; ‘беспомощный’
Б.1.1.4.3. Жизненный опыт	‘бывалый, опытный’; ‘испытавший много трудностей’	‘молодой, неопытный’; ‘молодой, но имеющий какой-л. отрицательный опыт’
Б.1.1.4.4. Принадлежность к своим/чужим	‘свой, здешний’	‘чужой, посторонний’; ‘среди чужих людей’
Б.1.1.4.5. Удачливость, везение	‘везучий, удачливый’; ‘везет кому-л.’; ‘удачно выйти из сложной ситуации’	‘неудачник, невезучий’; ‘несчастный, обездоленный’; ‘неудачная, несложившаяся жизнь’; ‘попасть в беду’; ‘попасть в неловкое положение’
Б.1.1.4.6. Общая оценка положения человека в обществе	‘уважаемый’	‘незначительный’; ‘никчемный, ничтожный’; ‘жить никчемной, бессмысленной жизнью’

живое существо" (А.1.) и в то же время "взаимодействие людей в коллективе" (Б.1.1.2.), раздел "Человек как деятель" (А.III.) может одновременно входить в блок А "Человек" и тесно связанный с ним блок Б "Человек и окружающий его мир" и т.п. Возможно также введение специальных графических показателей связи рубрик, разделов (стрелки, пунктирные линии).

Отдельные фрагменты классификации, в частности оценочные "низовые" рубрики того или иного раздела, например, Б.II.2.6. "Оценка качеств вещей", Б.1.1.4. "Социальный статус", А.III.1.2. "Профессионализм, качество работы", А.II.1.2. "Нравственные качества человека" и др., могут быть оформлены в виде таблиц, совмещающих в одной точке по крайней мере два параметра и дающих возможность представлять общую оценку как совокупность частных квалификаций.

Таким образом, обобщив накопленный опыт идеографического описания фразеологии, можно говорить о различном уровне разработанности отдельных аспектов фразеологической идеографии, о неодинаковой степени сформированности, оформленности ее стратегий. Уже сейчас практически осуществимо (и не только на диалектном материале) распределение фразеологии по универсальной лексической идеографической сетке; готовой или скорректированной, что даст возможность получить довольно точное представление о роли фразеологии в языковом картировании мира, т.е. в означивании реалий на отдельных участках действительности, и более четко определить границы фразеологических "регионов" на этой "карте", составленной лингвистом-"картографом", опирающимся на познанные объективные законы языка, мышления, физического мира.

Однако носитель обыденного, житейского сознания ориентируется в окружающем мире по другой концептуальной и, соответственно, языковой "карте". На нее прежде всего нанесено, особым образом сгруппировано, наиболее детализировано то, что актуально для человека в его повседневной жизни. Создание (преимущественно индуктивным путем от языкового материала, в том числе фразеологического) идеографической схемы, коррелирующей с иерархической системой понятий наивной обыденной картины мира и отражающей особенности народного житейского крайне антропоцентричного сознания, — дело будущего, и, надо надеяться, не далекого. Ведь разработка концепции ЯКМ с учетом человеческого фактора становится, как утверждают авторы коллективной монографии "Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира" [44, с. 8–12], приоритетным направлением антропологической лингвистики, объединяющей данные социолингвистики, психолингвистики, этнолингвистики и призванной стать единой теорией языка и человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морковкин В.В. Идеографические словари. М., 1970.
2. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М., 1977.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1975.
4. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
5. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
6. Русский семантический словарь (Опыт автоматизированного построения тезауруса от понятия к слову). М., 1982.
7. Русско-узбекский тематический словарь. Ташкент, 1979.
8. Саяхова Г.Л., Хасанова Д.М. Тематический словарь русского языка для башкирской средней школы. Уфа, 1984.
9. Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М. Иллюстрированный тематический словарь русского языка. М., 1989.
10. Лексическая основа русского языка. Комплексный учебный словарь. М., 1984.
11. Roget P.M. Thesaurus of English words and Phrases. Harmondsworth, 1984.
12. Robertson T. Dictionnaire idéologique de la langue française. Recueil des mots, des phrases, des idiotismes et des proverbes de la langue française. P., 1859.
13. Pórá F. A magyar rókon értelmű szók és szólások kézikönyve. Budapest, 1991.

14. Добровольский Д.О. Типология идиом и модули идиоматического пакета // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка. М., 1988.
15. Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993.
16. Эмирова А.М. Фразеологическая идеография: предмет и задачи // Вопросы фразеологии. Самарканд, 1984.
17. Багаутдинова Г.А. Фразеологическое кодирование психических процессов и свойств личности: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1986.
18. Friederich W. Moderne deutsche Idiomatik: Systematisches Wörterbuch mit Definitionen und Beispielen. München, 1966.
19. Iglíkowska T., Kurkowska H. Mały słownik frazeologiczny. Zesz. probny. Warszawa, 1963; Zesz. 1. Warszawa, 1966.
20. Slovník české frazeologie a idiomatiky: Přívonnání / F. Čermák, J. Hronka. Praha, 1983.
21. Мокшенин В.М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение. М., 1982.
22. Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М., 1985.
23. Яранцев Р.И., Степанова Л.И. Учебное пособие по русско-чешской фразеологии. М., 1989.
24. Горь М.С. Фразеологические единицы русского языка, характеризующие человека (системно-семантический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1988.
25. Бойцов С.А. Устойчивые сравнения в брянских говорах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.
26. Богдановская Н.В. Диалектные фразеологические единицы в контексте речи. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
27. Солодуб Ю.П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
28. Кашина И.В. Фразеологические единицы со значением эмоционального состояния лица в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
29. Покровская Э.Н. Фразеологические единицы со значением психического состояния человека в русском языке (в сопоставлении с украинским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1977.
30. Кудрявцева А.И. Фразеологические единицы со значением процесса речи в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
31. Зуева Т.А. Синонимические отношения фразеологических единиц одной семантической группы // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1989.
32. Бахвалова Т.В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров). Орел, 1993.
33. Кривцова С.И. Лексико-семантическая характеристика фразеологизмов со значением количества // Проблемы фразеологии. Тула, 1980.
34. Иващенко Л.А. Квантитативные ФЕ в псковских говорах // Проблемы фразеологии. Тула, 1976.
35. Петрушова О.В. Лексика и фразеология квантитативного поля среднеобских говоров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
36. Столбунова С.В. К вопросу о семантической классификации субстантивных фразеологических единиц со значением времени // Парадигматические и синтагматические отношения в лексике и фразеологии. Вологда, 1983.
37. Иващенко Л.А. Темпоральные ФЕ в псковских говорах // Русская фразеология. Калинин, 1978.
38. Иващенко Л.А. Пространственные ФЕ в псковских говорах // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980.
39. Арсентьева Д.З. Опыт тематической классификации фразеологических единиц (на материале орловских говоров) // Лексико-фразеологические связи в литературном русском языке и народных говорах. Курск, 1984.
40. Бахвалова Т.В., Попов Р.Н. Структурно-семантические особенности фразеологических единиц народных говоров и взаимодействие их с фразеологической системой литературного языка // Лексико-фразеологические связи в литературном русском языке и народных говорах. Курск, 1984.
41. Федоров А.И. Сибирская династия фразеологии. Новосибирск, 1980.
42. Влахов С. К составлению идеографического переводного словаря русской фразеологии (на материале русской и болгарской идиоматики) // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. Минск, 1987.
43. Hallig R., Wartburg W von. Begriffsystem als Grundlage für die Lexicographie. 2. Aufl. Berlin, 1963.
44. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников. М., 1988.
45. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
46. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин, 1982.

47. Касевич М.В. Языковые структуры и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность. М., 1988.
48. Кривоносов А.Т. Мышление без языка? // ВЯ. 1992. № 2.
49. Мыркин В.Я. В какой мере язык (языковая система) является отражением действительности? // ВЯ. 1986. № 3.
50. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
51. Ивченко А.А. Из опыта составления идеографического словаря русской фразеологии // Фразеологические словари и компьютерная фразеография. Орел, 1990.
52. Мириманова М.С. Проблема тезауруса в психологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
53. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания в современных условиях. М., 1980.
54. Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. М., 1980.
55. Аксамитов А.С. О некоторых принципах построения идеографического фразеологического словаря // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. Минск, 1987.
56. Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Семантические расстояния в языке и тексте. М., 1990.
57. Микешина Л.А. Научная картина мира как мировоззренческая форма знания // Научная картина мира. Логико-гносеологический аспект. Киев, 1982.
58. Дышлевский П.С., Яценко Л.В. Научная картина мира и мир культуры // Научная картина мира. Локико-гносеологический аспект. Киев, 1983.
59. Солoduхо Э.М. Интернациональность фразеологической зашифровки отраженной действительности. Казань, 1982.
60. Караулов Ю.Н., Молчанов В.А., Афанасьев В.А., Михалев Н.В. Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ. М., 1982.
61. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. М., 1990.
62. Эмирова А.М. Ономастологическая характеристика разрядов современной русской фразеологии (субстантивные ФЕ) // Вопросы фразеологии русского языка. Самарканд, 1981.
63. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. На пути к идеографическому описанию русской фразеологии // Фразеологические словари и компьютерная фразеография. Орел, 1990.
64. Бирих А.К., Волков С.С., Никитина Т.Г. Словарь русской фразеологической терминологии / Под ред. В.М. Мокиенко. München, 1993.
65. Солoduхо Э.М. Особенности обозначения отражаемой действительности средствами интернациональной фразеологии // Фразеологические словари и компьютерная фразеография. Орел, 1990.
66. Эмирова А.М. К концепции фразеологических идеографических словарей // Фразеологические словари и компьютерная фразеография. Орел, 1990.
67. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–7. Л., 1967–1986.
68. Кириллова Н.Н. Принципы параметризации идиом как фрагмента языковой картины мира // Фразеологическая параметризация в машинном фонде русского языка. М., 1990.
69. Карасик В.И. Этикетное действие: обозначение, характеристики, типы // Ономастологические аспекты семантики. Волгоград, 1993.
70. Редин П.А. Фразеологизмы с пространственным и временным значением в современном украинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1989.
71. Помыкалова Т.Е. Семантическая структура фразеологизмов генеративной модели группы времени // Фразеологическое значение в языке и речи. Челябинск, 1988.
72. Павлова Н.А. Значение времени у фразеологизмов модели “предлог + (согласуемый компонент) + существительное в форме дательного падежа” // Фразеологическое значение в языке и речи. Челябинск, 1988.
73. Соловьева А.Д. Значение времени, выражаемое фразеологизмами модели “предлог + атрибут + существительное в форме винительного падежа” // Фразеологическое значение в языке и речи. Челябинск, 1988.
74. Всеволодова М.В. Способы выражения временных отношений в русском языке. М., 1975.
75. Теория функциональной грамматики. М., 1987.
76. Практическая грамматика русского языка для зарубежных преподавателей-русистов. М., 1985.
77. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М., 1987.
78. Яковлева Е.С. В р е м я и п о р а в оппозиции линейного и циклического времени // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
79. Яковлева Е.С. О некоторых семантических моделях времени в русском языке // Русистика. 1992. № 1.
80. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. М., 1990.
81. Steponavičienė S. Lietuvių kalbos žodinių asociacijų žodynas. Vilnius, 1986.
82. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1977.